

УДК: 778.5.04

DOI: 10.24412/2618-9313-2022-421-24-27

Признательность Патриции Кавалли

БЕРГАМИН, М.

©ПЕРЕВОД А. КУРАША

Для цитирования

Бергамин М. Признательность Патриции Кавалли // Телекинет. 2022. N4(21). С. 24-27.

Сведения об авторе

Бергамин Маддалена, PhD, преподаватель итальянского языка и мировой художественной культуры, Парижский университет Сорбонна, Париж, Франция

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-1928-9018>

maddalena.bergamin2@unibo.it

Аффилиация

Парижский университет Сорбонна, улица де л'Эколь де Медсин, 21, Париж, Франция

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Creative Commons License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-Non-Commercial-NoDerivatives 4.0 International License.

Аннотация

В статье приведен краткий обзор творчества итальянской поэтессы Патриции Кавалли. Выявляются особенности ее поэтики, автор проводит параллели между основными темами творчества Кавалли и идеями современной философии и литературы.

Ключевые слова

Патриция Кавалли, поэзия Италии, итальянская поэзия, итальянские поэты, великие поэты Италии

Appreciation to Patrizia Cavalli

BERGAMIN, M.

For Citation

Bergamin, M. Appreciation to Patrizia Cavalli. Telekinet, 2022, no. 4(21), p. 24-27.

About the Contributor

Maddalena Bergamin, PhD, Université Paris-Sorbonne (Paris IV), Paris, France

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-1928-9018>

maddalena.bergamin2@unibo.it

Affiliation

Université Paris-Sorbonne (Paris IV), 21, rue de l'école de médecine 75006, Paris, France

Abstract

The article gives a brief overview of the work of the Italian poet Patricia Cavalli. Her poetry draws parallels between the main themes of Cavalli and the ideas of contemporary philosophy and literature.

Keywords

Patricia Cavalli, poetry of Italy, Italian poetry, Italian poets, great poets of Italy

Патриция Кавалли, одна из самых выдающихся итальянских поэтесс, ушла от нас 21 июня 2022 г. Сегодня, вместе с ней, я хотела бы рассказать историю одного безумного поиска, где почти неистово и постфактум раскрывается ее чудесная и одновременно несчастная природа Дон Кихота.

Далее продолжу в беспорядочной последовательности, так как переживаемая скорбь не позволяет придать анализу трезвость, и все мы — почти все — охвачены желанием судорожного поиска смысла, в данном случае смысла смерти, и сделать анализ, желательно ясный, как предтечу последующего размышления и знания, возможно, даже надежды. И здесь мною совершена попытка придать слову «признательность» некую значимость. Слову, которое в Средние века служило одобрением действия каждого, кто признавал себя вассалом сеньора, но которое в наши дни чаще воспринимается как некий бонус — приятной безделушкой в виде недорогого подарка.

В 1965 г. Жак Лакан¹ выразил свою признательность Маргерите Дюрас², в особенности ее роману «Восхищение Лолы Штайн»³, опубликованному годом ранее. Кратко напомним сюжет этого романа.

Однажды летним вечером в казино Таун-Бич неизвестная женщина уводит жениха Лолы Штайн. Анна-Мария Штреттер проходит в центр опустевшего танцевального зала и в вихре танца кружится с Майклом Ричардсоном. Лола наблюдает за ними с восторгом. Она не ревнует: возможно, та женщина — это есть сама Лола, а фатальное влечение друг к другу, которое она наблюдает у танцующей пары — это ее собственная любовь, в которой она загадочным образом присутствует извне. Восхищение Лолы В. Штайн берет начало от ее боли взгляда. Тем не менее, она внимательно наблюдает за танцующими, и когда пара, слитая воедино, навсегда исчезает из ее жизни, Лола В. Штайн, вне себя от восхищения, продолжает в недоумении фиксировать то, чего она лишилась. Ее существование целиком сосредоточено в этой пустоте, ее сердце сбито с пути. «Для существования Лоле чего-то не хватало. Возможно, недоставало сердца». Она бессильна остановить действие, как зритель не может остановить фильм, проецируемый на экран; не в силах выразить боль, которую она чувствует, и Лола Валери Штайн замолкает; ее жизнь наглухо закрыта, течение времени остановилось... Лола будто умерла. Это продолжается до тех пор, пока встреча с Жаком Холтом и Татьяной Карл не позволяет ей вновь пережить ту роковую сцену и полностью изменить ее смысл. Она снова смотрит на танцующую пару влюбленных, но на этот раз мысленно она разъединяет Жака от Татьяны, чтобы восхищаться самой собой.

Жак Лакан пишет: «Восхищение — это слово становится для нас загадкой. Объективным или субъективным становится тот факт, что это определение выносит именно Лола Штайн? Восхищенная. Ее душа пробуждается, и красота начинает действовать. От подручного впечатления происходит избавление, насколько это возможно, не без помощи символов. Восхитительница — это также образ, который нам навязан как облик раненной фигуры, отстраненной от вещей, к которым запрещено прикасаться, при этом нас она делает своей добычей. Тем не менее, два действия переплетены в шифре, который становится очевидным в искусно сформулированном имени, в его написании: Лола В. Штайн / Lol V. Stein».

«Даже если бы Маргерит Дюрас мне призналась, что она без понятия откуда черпает все происходящее с Лолой, и если даже я допущу, что мог бы смутно догадаться, что будет сказано в следующем предложении, все-таки, на мой взгляд, здесь может быть лишь одно преимущество, которым психоаналитик вправе воспользоваться — если бы, как таковое, это могло иметь законную силу: запомнить вместе с Фрейдом, что по данной теме человек искусства всегда будет опережать его, и психологу нечего делать там, где творческая личность прокладывает дорогу. Я признаю восторг Лолы В. Штайн, и здесь Маргерит Дюрас доказывает, что она и без меня знает то, чему я учу. Поэтому ее талант будет неоспоримым, если моя критика будет опираться на достоинства используемых средств. Литературная практика сосредоточена на использование бессознательного, — это все, что я могу засвидетельствовать, воздавая ей признательность».

Несколько лет назад «целенаправленное использование бессознательного в литературной практике» стало предметом моего диссертационного исследования в творчестве Патриции Кавалли, где я пришла к выводу, что ее поэтический голос является носителем мощного оспаривания дискурса, стандартизированного языка, банальности коллективного языка. Инструменты рифмы, иронии, парадокса придают поэтическому языку Кавалли эмблему насмешливого протеста против условий субъекта, лишённого многозначности. Тема смерти также занимает определенное место, при этом у Кавалли наблюдается отличие, к примеру, от «юбилейного аннулирования» Марианджелы Гуалтьери⁴ или от аннедиановой⁵ трагедии самопожертвования. В действительности для Кавалли исчезновение — это не событие окончательного характера и тем более не преследуемая цель, а, скорее, случайность, постоянно сопровождающая путь субъекта внутри языкового универсума, то есть мира.

Мало помню о себе —

я, которая всегда думала о себе.

Я исчезаю, как вещь

в которую так долго всматривалась.

Вернусь, чтобы рассказать

о своем блестящем исчезновении.

(перевод А. Кураша)

Poco di me ricordo

io che a me sempre ho pensato.

Mi scompaio come l'oggetto

troppo a lungo guardato.

Ritornèro a dire

la mia luminosa scomparsaa.

[LMP, p. 58]⁶

Внутри субъекта есть точка, которую невозможно достичь с помощью инструментов знания, языка и наблюдения. Идея «исчезнуть в себе самом» радикализирует степень невозможности лингвистического описания опыта: яма, разлом Другого индивида, искажение, радикально иное бытие женского субъекта даже по отношению к себе самой. В то же время субъект Кавалли по этой причине не отказывается от самовыражения: напротив, именно ее собственное исчезновение служит, чтобы

¹ Жак Лакан — Жак Мари Эмиль Лакан / Jacques-Marie-Émile Lacan, 1901–1981; французский психоаналитик, философ (фрейдист, структурлист, постструктуралист) и психиатр. Одна из самых влиятельных фигур в истории психоанализа.

² Маргерит (Маргарита) Дюрас / Marguerite Duras, 1914–1996; французская писательница, сценарист, режиссер и актриса; приз «Серебряный Медведь» Берлинского кинофестиваля (1985), номинировалась на премию «Оскар» за лучший сценарий (1961).

³ Психологический любовный роман Маргерит Дюрас «Восхищение Лол Штайн» / «Неповторимое обаяние Лолы Валери Штайн» (фр. «Le ravissement de Lol V. Stein» / итал. «Il rapimento di Lol v. Stein»), изд-во «Галлимар», 1964 г.

⁴ Марианджела Гуалтьери / Mariangela Gualtieri, род. 1951 — итальянская поэтесса, писательница; 7 поэтических сборников (1992–2019), автор 11 театральных произведений; монография (размышления поэта) «Звуковое очарование. Искусство говорить стихи» / «L'incanto fonico. L'arte di dire la poesia» (Einaudi, 2022); лауреат 13 литературных премий — А.К.

⁵ «аннедиановой трагедии» — производное от имени Антонелла Анедда / Antonella Anedda, род. 1955 — итальянская поэтесса, эссеист, переводчик; лауреат 11 литературных премий — А.К.

⁶ Cavalli Patrizia. Le mie poesie non cambieranno il mondo, Einaudi, Torino, 1974.

блистать и чтобы высказаться.

Конечно, Кавалли умела бороться и оглашать недостатки языка, но это не означало ее отказа от своеобразия собственного языка, от способа выразить мнение даже о собственной смерти, взять ее под контроль, дать название своему последнему сборнику стихов «Чудесная жизнь»¹, прекрасно понимая, что он будет последним.

Я думаю, в каждом из нас сокрыт своего рода огнетушитель или клапан — раскрываясь, они лишают всякой силы мысль где скрыта тайна о добре и зле: мысли властной отдавать приказы в прозрачном временном суждении к действию — где что-то предпринять, а где избегнуть. Возможно, это из-за сильного горения, что целиком исходит от рассудка. И огонь мысли, пусть выхолощенной, находит пути иные, искривленные: он не взбирается вверх, а спускается горящим пеплом навстречу сердцу, готовому собрать кусочки угасающего вулкана любви — сложить из них милые безделицы, чтобы показывать, как важнейшее доказательство существования той любви, что обретет в нем радость дерзкую систематизации, вечной. Пока не растворится в земле.
(перевод А. Кураша)

C'è in noi, in ognuno credo, questa specie
Di estintore o di valvola che s'apre
Togliendo ogni potenza a quel pensiero
Che sa che cosa è il bene e cosa il male:
pensiero consapevole che ordina
in un chiaro giudizio temporale
le azioni da intraprendere o evitare.
Forse ciò accade per troppa combustione
Di quel che viene inteso cerebrale.
E il fuoco del pensiero
Pur stemperato trova altre strade,
ma contorte: invece di salire
scende con cenere bruciante verso
il cuore, che è pronto lì a raccogliere
i lapilli di un amore vulcano
in estinzione e a farne bei gingilli
da mostrare come prova suprema
di esistenza di quell'amore che in lui
trova proterva gioia di sistemazione, eterna.
Finché non verrà sciolto nella terra.

Если Антонелла Анедда, выдающаяся современница Кавалли, настойчиво призывает к возможности возвращения (человека) в предродовое пространство, то Кавалли утверждает, что «неправда, что возвращается, не возвращается вновь / в чрево, а лишь уходит, / становясь сингулярностью» [LSPM, с. 193]². Таким образом, язык, столь непригодный и отталкивающий, в то же время становится ответственным за возможность существования. На этой территории, где создается фундамент условия человеческого подчинения многозначительности, Кавалли, тем не менее, вырезает для себя лингвистическое пространство истинной сингулярности, и ее поэзия становится *lalangue*³, которая — «конечно да» — относительно пользования, упорядоченного дискурсом, но также является носителем дополнительного пользования, где недостаточен арсенал выразительности. Именно в точке столкновения с линией разлома Другого языка, не прибегая к отречению и не стремясь к полному освобождению, поэзии Патриции Кавалли в целом удается создать неассимилируемое существование *l'ex-sistence*⁴ «*pas-tout*»⁵ женской позиции. Кончина, восхищение, «Лола Валери Штайн» Маргариты Дюрас, поэтическое «я» в поэзии Кавалли — к этому хотелось бы добавить последнее. В 1966 г., 31 декабря, по французскому радио Лакан выразил признательность Льюису Кэрроллу, говоря о его произведении и персонаже следующее: «Это влечет занятие без педантизма, которое, как мне кажется, в конце концов, подготавливает Алису Лидделл, обращается к каждой читательнице во плоти, впервые соскользнувшей в это сердце земли, где нет убогих лачуг, чтобы столкнуться с такой специфической проблемой, как эта: никто и никогда не сможет пройти в дверь, которая не соответствует его размеру; и этот шустрый кролик воспринимается не иначе как критерий абсолютной несхожести с заботами прохожего. А Алисе, должен сказать, не мешает некоторая строгость. По правде говоря, она не вполне готова принять обучение по арифметике, когда ей объясняют, что тряпки с платками, груши с луком-пореем не складываются — здесь хорошо очерченная граница, чтобы привить детям самое простое решение всех проблем, относительно которых в дальнейшем проверяется их интеллект»⁶.

Никогда не переступать порога, если дверь не соответствует размеру — таков мой предел на сегодняшний день: не отыскать мерила, чтобы говорить о Патриции Кавалли, вспоминая, как ее дебютная поэзия каким-то образом побудила меня начать писать стихи:

¹ Cavalli Patrizia. Vita meravigliosa, Einaudi, Torino, 2020, p. 128.

² Cavalli Patrizia. L'io singolare proprio mio, Einaudi, Torino, 1992.

³ «*lalangue*» — неологизм Ж. Лакана: определенный артикль *la + langue* (язык) = *lalangue* [лаланг], как «хорошо знакомый, родной язык». Этимологию лакановского неологизма можно рассматривать в союзе латинского глагола *lallare* (убаюкивать) и фр. словом *langue* (язык). Лалляция относится, прежде всего, к вокальной убаюкивающей мелодии для детей, состоящей из последовательности фонем «ля-ля»; также лалляция относится к первым слогам, произносимым ребенком на первом году жизни, при первом подходе младенца к изучению родного языка. Таким образом, этимология *lalangue* определяет, с одной стороны, связь с матерью («язык впитываемый с молоком матери»), с другой — место момента до полного освоения ребенком языка. — М.Б. (Maddalena Bergamin)

⁴ (фр.) *L'ex-sistence* / (ит.) *L'ex-sistere* — «вне существования»; существовать вне нормы бытия; концепция связана с женской концепцией «*pas-tout*» / «не все»; «То наслаждение, которое мы испытываем и о котором ничего не знаем, разве ставит нас на путь существования?» — М.Б. (Maddalena Bergamin)

⁵ Фр. «*pas-tout*» féminin — женское «не-все» — согласно Ж. Лакану, конкретная женщина является объектом редукции Фаллической Силы; женщины являются «не-все» в своем желании, «не-все», как подчинение фаллической логике; нет женщины, которая могла бы представлять «Универсальную Женщину», а есть женщины в частности, в особенности это относится к симптоматическим решениям, что всегда исходит из логики «не-все» — М.Б. (Maddalena Bergamin)

⁶ Jacques Lacan, Hommage à Lewis Carroll. La Rivista di Engramma (open access). URL: http://www.egramma.it/eOS/index.php?id_articolo=3534

Кто-то сказал мне, что, конечно,
 мои стихи не изменят мир.
 Я отвечу, что да, конечно,
 мои стихи не изменят мир.
 (перевод А. Кураша)

Qualcuno mi ha detto che certo
 le mie poesie non cambieranno il mondo
 io rispondo che certo sì
 le mie poesie non cambieranno il mondo

В поэзии Патриции Кавалли, в тончайших нюансах-заворах ее языка, оспариваемого изнутри, можно найти дополнительное наслаждение. Кавалли способна так неявно играть с подобием, что ее поэзия, только кажущаяся простой, есть не что иное, как действие субъекта, обличающего пустоту, «pas-tout» языка. Сокращенное изложение этого неудержимого процесса можно найти в небольшой поэме «Хранительница» («La guardiana»), впервые опубликованной в 2005 г.

Здесь реализуется возможность любви, способной восполнить другое невозможное после смерти или по причине отсутствия интимной близости. Способность, находясь в столкновении двух бессознательных, сдающихся перед полной обоюдной невозможностью, построить на этом отсутствии приключение того, что не способна охватить многозначительность. Здесь находится, на мой взгляд, код поэтического языка Патриции Кавалли или, скорее, полное принятие состояния «pas-tout» субъекта, вписанного в законы многозначительности. Вместо самобичевания из-за отсутствия многозначительности, посредством которой можно было бы рассказать о женственности, то именно через эту «дыру» реальности ее поэзия позволяет смутно разглядеть то сверхнаслаждение, вписанное у Кавалли в тело и музыку игривого, насмешливого языка, который почти опасно приближает читателя к истине, а затем поднимает его, прежде чем тот низвергнется от увиденного своими глазами. Таким образом, вместе со многими другими, как поэт или как поэтесса, я занимаюсь сбором наследия Патриции Кавалли, понимая, что ее учение еще очень долго будет приносить свои плоды.